

— Я же говорила тебе не ввязываться в опасные дела!

Я невнятно пробормотал оправдание, избегая взгляда своей семнадцатилетней младшей сестры. Чхэён повысила голос. Обычно она никогда не кричала так запальчиво, а значит, была напугана до глубины души. Ее бледное лицо и то, как беспокойно она ерзала, наблюдая за мной, заставили меня беспомощно вздохнуть.

— Ничего серьезного. Не делай такое лицо.

— Как ты можешь говорить «ничего», когда у тебя на лице живого места нет?

— Всё в порядке. Скоро заживет.

— Ты хоть в зеркало смотрелся, прежде чем это сказать?

— Ну, нет. Какой смысл в него смотреть?

Я выдавил улыбку и ретировался на кухню.

— Не калечь себя, оппа. Хорошо? Я ненавижу, когда тебе больно.

Как только я встал перед плитой, Чхэён внезапно обняла меня со спины. В том месте, куда Константин ударил меня в живот, вспыхнула резкая боль. Я сглотнул стон, готовый вырваться наружу, и резко вдохнул.

— ... Мне не больно. Правда. Это пустяки.

Я похлопал ее по тонким, хрупким рукам, обхватившим мою талию. Но она не могла быстро успокоиться и прижалась лбом к моей спине. Ее тело мелко дрожало, будто она была на грани слез.

«Надо было хотя бы лицо защитить. Прошлой ночью я ничего не мог поделать, но всё равно жалею об этом».

Семнадцатилетняя Чхэён была моим единственным оставшимся родственником по Родословной. Именно она удерживала меня от того, чтобы всё бросить и сбежать, именно она давала мне силы терпеть эту жизнь в сточной канаве. Жалкое дитя, живущее на больничных лекарствах с тех пор, как в детстве ее поразила редкая болезнь.

— Эх... Кажется, еще вчера я менял тебе подгузники, убирал за тобой, кормил и укладывал спать. А теперь ты так выросла, что даже беспокоишься обо мне. Повзрослела, Рю Чхэён.

Я намеренно пошутил, и она сильнее сжала объятия. У меня вырвался болезненный хрип. Это не было преувеличением — мне действительно было больно, — но Чхэён, вероятно, подумала, что я дурачусь. Так даже лучше.

— Я же просила тебя не говорить таких вещей. Это ты должен быть тем, кто не заставляет меня волноваться. Как я могу быть спокойна, если ты вечно приходишь домой избитым?

— Ладно-ладно. Я понял. А теперь отпусти меня и присядь. Я приготовлю омлет с яйцами.

— Я уже проснулась раньше и поела каши.

— Значит, сегодня ты чувствуешь себя лучше. Раз уже поела.

Я осторожно высвободился из ее костлявых рук и обернулся. Мягко погладил ее по голове, покрытой шапочкой, скрывающей волосы, которые она продолжала терять после химиотерапии. Чхэён застенчиво улыбнулась.

Дети ее возраста должны быть заняты школой, друзьями и красивыми нарядами. Но эта бедная девочка — какое преступление она совершила, чтобы родиться в такой семье, как наша, да еще и заболеть? Каждый раз, когда я смотрел на нее, мое сердце сжималось.

— Мне правда лучше, понимаешь? Кажется, новое лекарство действует, — бодро сказала Чхэён.

Несколько недель назад ей сменили препараты для химиотерапии. Новое средство было до смешного дорогим, но реакция организма была хорошей, а побочные эффекты не такими тяжелыми, как от предыдущего.

«Но каким бы хорошим или дорогим ни было лекарство, ее состояние не улучшится в одночасье. Это невозможно».

— Это облегчение.

Я заставил себя улыбнуться, но на душе стало только тяжелее. Было ясно, что она сказала это лишь для того, чтобы успокоить меня.

Когда Чхэён была маленькой, ей диагностировали редкий вид лейкемии. После долгих лет мучительного лечения мы думали, что она наконец выздоровела — но в начале этого года случился рецидив. Сказали, что даже при пересадке костного мозга шансы на выживание невелики. А донор для Чхэён так и не нашелся.

Шансы были выше всего внутри семьи, но, к сожалению, я не подошел. Это сделало поиск

донора еще труднее. Даже если бы мы его нашли, у нас не было денег на операцию.

Честно говоря, даже оплата этой новой химиотерапии была непосильной задачей. Старые долги копились, больничные счета росли, увеличивая общую сумму с каждым днем.

У нас была государственная страховка, но она едва покрывала такие дорогостоящие процедуры. Расходы из собственного кармана были сокрушительными. Сколько бы я ни пахал как проклятый, борьба никогда не становилась легче.

Лечение и уход за пациентом истощали не только деньги, но и выносливость, и разум опекуна. Но я не мог позволить своему единственному родственнику, сестренке, которую я практически вырастил сам, просто умереть.

Даже если шансы были малы, я должен был найти донора и провести операцию. Я должен был спасти ее. Чтобы жил я, сначала должна была жить Чхэён. Если она умрет, умру и я.

Единственная причина, по которой я всё еще цеплялся за эту никчемную жизнь, была она. Без нее, без воли сохранить ей жизнь, я бы давно умер, не раздумывая ни секунды.

— Не расслабляйся слишком сильно только потому, что тебе стало лучше. Тебе всё еще нужна лучевая терапия.

— Я знаю. Я хорошо ем, хорошо сплю, хорошо отдыхаю. Так что ты просто не подставляйся под удары.

— Хорошо. Я приготовлю омлет. Съешь его на обед.

— Тебе не обязательно. Я тоже умею готовить, знаешь ли, — Чхэён опустилась на стул с усталым видом.

Даже от этого звука мое сердце ухнуло вниз. Но я заставил себя сохранять спокойствие, доставая овощи и яйца из холодильника. Если я буду выглядеть слишком обеспокоенным, она будет волноваться еще сильнее.

— Мне правда не нужно, чтобы ты... Не утруждай себя...

— А я хочу поесть! Обожаю омлеты!

Ее голос затих, прерванный бодрым вмешательством. Я повернул голову и увидел молодого человека в растянутой футболке и трениках, приближающегося к столу. Когда я вышел из комнаты, он спал мертвым сном, но, видимо, проснулся.

Это был наш сожитель, мой сосед по комнате в этой тесной квартирке, Гван Хёджин. Больше чем просто сосед, за эти годы он стал нам как родной.

Хёджин был маленьким и худым для своего возраста, но таким шустрым, что напоминал мне белку. Его повадки были такими же.

— Мне, мне! Я тоже хочу омлет! Ому... О боже мой! Сун-о, что у тебя с лицом?!

Хёджин, который до этого лепетал как восторженный ребенок, издал испуганный вопль, широко раскрыв глаза. Он указал на меня, заикаясь. Я смущенно потер щеку ладонью.

— Я приготовлю две порции, включая твою. Просто подожди.

Я отвернулся, делая вид, что ничего не заметил.

— Видишь? Я же говорила, что оппе не нужно готовить. И Хёджин-оппа, ты невыносим. Он ранен, а ты заставляешь его стоять у плиты.

— Нет... Я имею в виду... Я не знал, что ему больно... А омлеты — это вкусно... У Сун-о омлеты еще вкуснее...

— Хватит. Оба сядьте. Или идите в гостиную.

От моих резких слов оба замолчали вмиг. Только тогда на кухню вернулась тишина. Я молча начал резать овощи.

«Ток, ток, ток». Ритм ножа о разделочную доску заполнял тишину. Это было неплохо, но их беличьи взгляды, прикованные ко мне, начали раздражать.

— Чхэён, можешь пойти запустить стиральную машину?

— Сходить? — Чхэён просияла и встала, радуясь, что ей дали какое-то дело. Сразу после этого вскочил и Хёджин.

— А я? Что мне делать?

Такая реакция больше подошла бы подростку, чем мужчине за двадцать.

— Ты взбей яйца.

Я указал на яйца, которые отложил в сторону. Хёджин охотно кивнул. Стоя рядом со мной, он был таким коротким, что едва доставал мне до уха.

Чхэён, чей рост замедлился из-за болезни, и так была маленькой для своего возраста, но Хёджин был еще меньше. Он был здоров, никогда не болел, но недоедание в детстве затормозило его рост.

Гван Хёджину было двадцать шесть лет, он был китайского происхождения. Маленький, худой, с поведением ребенка и отсутствующими безымянным пальцем и мизинцем на левой руке. Мы жили вместе уже три года.

Три года назад он был полумертв, избит так сильно, что его кости были сломаны, а пальцы отрезаны. Я подобрал его на улице и помог выжить.

Сначала я собирался приглядывать за ним только до тех пор, пока его раны не заживут. Но как-то со временем он просто остался.

— Сун-о... Кто это с тобой сделал? — осторожно спросил Хёджин, взбивая яйца рядом со мной.

С тех пор как его зверски избили много лет назад, он иногда вел себя как ребенок, но сейчас он был необычайно нерешителен. Неужели мое лицо действительно выглядело так ужасно? Я невольно нахмурился.

— В-всё в порядке, можешь не говорить... Я просто волнуюсь, вот и всё... — подумав, что мой хмурый взгляд направлен на него, Хёджин заикался, драматично размахивая руками. Я не смог сдержать тихий вздох.

— Спасибо за заботу. Но мне не так больно, как кажется. Не бери в голову.

— Х-хорошо.

Только тогда Хёджин опустил голову и начал взбивать яйца. У него ушла вечность на то, чтобы взбить всего четыре штуки. Я оставил его за этим занятием и начал обжаривать овощи. «Ш-ш-ш» — громкое шипение поднялось от горячей сковороды, когда овощи начали готовиться, наполняя кухню аппетитным ароматом.

— Вчера я столкнулся с Константином Ильичом Летовым, — спокойно произнес я, помешивая содержимое сковороды.

Хёджин замер на полуслове, широко раскрытыми глазами глядя на меня.

— Константин Ильич Летов?

— Глобальный российский магнат. Занимается всеми видами бизнеса. Ты ведь слышал о нем?

— Да, кажется, слышал.

— Уверен, есть причина, по которой он внезапно приехал в Лос-Анджелес. Джефф ничего не сказал, но что-то кажется мне странным. Ты ничего не слышал?

Я вспомнил, как Джефф сегодня утром осекся, не договорив о Константине. Хёджин забежал глазами, затем покачал головой. Он коротко добавил: — Нет.

— Ясно.

Как только овощи были готовы, я добавил мясной фарш. Запах заполнил тесную кухню, этого было достаточно, чтобы пробудить даже мой пропавший аппетит.

— Мне разузнать об этом?

<http://bllate.org/book/16515/1506398>